

ТВОРЧЕСТВО Н.С. ЛЕСКОВА И ДРЕВНЕРУССКАЯ КУЛЬТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ

В статье рассматривается влияние традиций древней русской культуры на творчество Н.С. Лескова, который был не только ее страстным поклонником, но и исследователем; доказывается ориентация писателя в зрелый период творчества на такие литературные жанры Древней Руси, как житие, житийный рассказ и повесть XVII ст.; раскрывается влияние на него идей крупнейших представителей историко-филологической науки второй половины XIX в. – Ф.И. Буслаева, Н.И. Костомарова, Н.С. Тихонравова, И.А. Попова; утверждается, что он смотрел на древнерусскую культуру как на хранительницу исконно русских начал национальной жизни.

Обостренный интерес Н.С. Лескова к проблемам своего времени неизменно сочетался с его влечением к прошлому и любовным пристрастием к древнерусской культуре. Он, никогда не кончавший университетского курса, воспринимался своими современниками как сокровище “ума, образования, размышления, не говоря уже о наблюдательности”. По словам В.В. Розанова, он “возбуждал бездну теоретических, так сказать, университетских вопросов и <...> многое для себя “университетски”, со строгостью профессора <...> разрешал”. Трудно было поверить, продолжает Розанов, что он не “прошел университет, даже опре-

деленный его факультет – филологический. Его очень легко можно было представить себе учеником, даже любимым учеником, Тихонравова, Буслаева, Ключевского, И.А. Попова” [1, т. 2, с. 348].

С Буслаевым у Лескова установились особые, дружеские отношения. “Стал я читать чудную книгу Ф.И. Буслаева “Мои досуги”, где великий знаток лицевых Апокалипсисов и иконописных школ так мастерски разобрал переходные повести, тонко осветив нити, связывающие во единое целое сказания самых отдаленных времен. Прочел я эту статью и устыдился, поняв, что <...> напечатать не один десяток пересказов древних сказаний, лишь на закате своего писательства, удосужился прочесть исследование великого знатока, совсем по-новому осветившего то, над чем я работал кустарно” [1, т. 2, с. 19], – вспомнил он в 1897 г. Свое признательно-благодарственное отношение к ученому он выразил и посвящением ему рассказа “Некрещеный поп”.

Завораживавшая писателя культура Древней Руси рассматривалась им как непреходящая национальная ценность. Его внимание обращают на себя старобрядцы, в которых он увидел рачительных хранителей и тонких ценителей древнего печатного слова и старинной иконописной живописи.

В древней отечественной культуре, прежде всего в живописи и памятниках словесного искусства, Лесков видел выражение незамутненного чуждыми влияниями русского национального самосознания. Этим и определяется его непреходящий интерес к старинной иконописи и житийной литературе.

Прекрасное знание древнерусских текстов давало Лескову возможность в разнообразных формах использовать их как в литературно-художественном творчестве, так и в литературно-критической деятельности. Обширные выдержки из текстов древнерусской письменности он умело и органично компонует с современным материалом, мотивы житий и светской литературы XVII в. служат ему в осуществлении его творческих замыслов.

Интерес к древней русской культуре у Лескова особенно обостряется к середине 70-х гг., что сразу же было замечено современниками. Как отметил А.О. Авсеенко, истоки творчества писателя определенно обозначились в его ориентации на “совсем неведомую <...> литературу, которую он тщательно собирал у буквоедов толкучего рынка и у каких-то странных знакомых, являвшихся к нему в подрясниках или шапках с наушниками” [2, № 8730], то есть на ту литературу, которую читал и знал народ.

Лесков, как он сам говорил, знал народ “не понаслышке” и всегда гордился тем, что “рос среди народа”, “спал с ним на росистой траве ночного, под теплым овчинным тулупом и был с народом “свой человек”, прекрасно знал его быт и мировоззренческие представления. В его религиозной культуре он видел ту силу, которая могла бы духовно оздоровить нравственно разлагающееся русское общество пореформенной России.

Понятие “народ” Лесков интерпретировал довольно широко. Это и купцы, и священники, и крестьяне, и чиновники, и всех их, как считал писатель, должны объединять общечеловеческие понятия добра и заповеди Священного Писания. Именно они, как считал писатель, должны представлять собою “здравую народную почву”.

Стремление Лескова к объединению русского общества на религиозной основе требовало от писателя целенаправленных усилий и определяло его ориентацию на “неведомую” для определенных кругов русского общества литературу. “... есть слой в русской народности, – писал он, – где все обучались слову Божию и знают его, но оставляют его, небрегут о нем и даже считают смешным и недостойным им заниматься. Указываемый слой не простонародье, как и не какое-нибудь исключительное сословие, а это “перегной” нашей культуры, который

залегае на паверхнасці” [3, т. 10, с. 106]. Писатель берет на себя миссию спасения этого “перегноя” путем приобщения его к “здравой народной почве” через усвоение им той сферы культуры, в которой открыто проявляется народная религиозность, т.е. через усвоение древней, в основном церковной литературы и религиозного фольклора.

Деятельность писателя представлялась Лескову одной из важнейших форм гражданского служения. Убежденный в том, что победить зло можно только творением добра, он, начиная с 70-х гг., проявляет большой интерес к агиографии, усматривая в житиях святых здравый смысл, а в обращении к житийным традициям – средство нравственного оздоровления русского общества. “... наш читатель из простолюдинов, – рассуждает он, – всегда очень интересуется жизнеописаниями святых подвижников и в высоких свидетельствах их духа и характеров почерпает живые силы для воспитания их собственного духа” [4, с. 548].

Подобные мотивы звучат и в публицистике Лескова. Он смотрит на агиографию как на важнейший литературный источник. “... житиями святых, – пишет он в одной из статей, – интересуется теперь художественная литература, так как характеры лиц, о коих сложены те житийные повести, являют, по удачному выражению Саввы Звенигородского, “духовную красоту нашего народа”. Искусство же должно, даже обязано сберечь, сколь возможно, все черты народной красоты” [5, с. 38]. Следовательно, задача литературы состоит в том, чтобы “источать” из древнерусских памятников “струю живую и самую целебную”.

Особые симпатии Лесков питал к народным формам религиозности, к формам “исключительно стихийным”, “сердечным”. Но в духе современной научно-богословской мысли писатель видел изъян и слабость духовного развития народа, которые проявлялись как “в недостаточной одухотворенности”, так и “в чрезмерной душевности, или поэтичности, в духовной неформленности душевной стихии, если угодно, в стихийности” [6, с. 4]. Он был уверен в религиозности народа, но не совсем понимал, в чем состоит эта религиозность. В ней он не видел истинного христианства. Духовный мир народа, по его представлению, насквозь пропитанный суевериями и предрассудками, необходимо просветить православной истиной.

Свою миссию писателя Лесков видел в содействии народному развитию, в помощи народу “сделаться христианином, ибо он этого хочет” и это ему полезно”.

В традиционном житии и в “проложных” легендах Лесков обнаружил богатый нравственно-этический смысл, веками складывавшуюся “прописную мораль”, которую он взял под защиту в спорах с ее современными хулителями. Жития святых, всегда составлявшие предмет внимания людей благочестивых, находивших в них спасительные уроки назидания и примеры “духовного восхождения”, кроме всего прочего, рассматриваются писателем как объект научного изучения, поскольку в них “сохранились бытовые и даже исторические черты, которые были опущены летописцами” [1, с. 38].

Лесков признавался, что он лично сам знал таких людей, которые в своей жизненной практике руководствовались житиями Филарета и Алексия, человека божия. Он их встречал среди городских мастеровых, русской интеллигенции, поместных дворян и полуграмотных раскольников. Это для него было свидетельством того, что, опираясь на традиции житийной литературы, писатель может влиять на нравственный облик людей всех слоев русского общества.

Назначение его творчества Лесков усматривал в том, чтобы влиять на уровень самосознания народной массы, помогать ей “освободиться от рутинных привычек, преодолевать инертность своего существования и обрести необхо-

димую здравость и ясность понятий" [5, с. 3], Поэтому он ставит перед собой задачу создать, опираясь на традиции древнерусского агиографического жанра, галерею положительных типов людей, воплощающих в себе "отрадные явления" русской жизни, которые могли бы стать примером для подражания.

Подходы к использованию традиций древнерусской агиографии у Лескова разнообразны. В основном это: введение в художественную ткань произведения отдельных житийных мотивов ("Очарованный странник", 1867); создание образа "праведника", совершающего "подвиг" самоотверженного служения людям, не выходя из сферы обыденной жизни ("Несмертельный Голован", 1880), или введение в произведение в качестве главного героя, близкого житийному ("Соборяне", 1872).

В "Соборянах" сразу же бросается в глаза очевидная ориентация автора хроники на Житие протопопа Аввакума. Ее герой, старгородский протопоп Савелий Туберозов, и его трагическая судьба неизбежно заставляют вспомнить "огнепального" вождя старообрядческого движения XVII в. и его полное страданий и столкновений с властями "житие". В своей также "им написанной" "демикотоновой" книге", т.е. дневнике, отражающем движение дум и чувств героя, Савелий Туберозов, как и его предшественник, выражает крайнее возмущение царящей вокруг несправедливостью и резко обличает произвол власть имущих.

Многие из героев Лескова представляются странными чудаками, людьми со сдвинутой психикой. Однако писатель был уверен, что их юродство и своеобразное правдолюбие понятны народу: на Руси издавна странные люди и "блаженные юродивые" воспринимались почти, как святые, их устами глаголела истина.

Рассматривая житие как аккумулятор национальных представлений этико-религиозного плана, Лесков, по выражению Горького, создал целый "иконостас <...> святых праведников России" [7, т. 22, с. 231]. Как правило, он их выводит за сферу простой нравственности. Они не просто праведники и человеколюбцы. Чаще всего это богатыри как по физической силе, так и по духу. Фоном их действия становятся широкие просторы "святой Руси", которая освещается писателем "без прикрас" и сгущения темных пятен.

Герой "Очарованного странника" далеко не житийный персонаж. Безудержное молодечество, озорство и богатырская сила, осознаваемые писателем как исконно национальные черты, ставят его в один ряд с былинными богатырями. Он грешник, совершивший два убийства. Однако писатель оценивает своего героя с точки зрения древнерусских нравственно-этических представлений: свят не тот, кто не совершает греха, а тот, кто смог покаяться и преодолеть его, найти в себе силы воскреснуть к новой жизни. Иван Флягин переживает постоянные взлеты и падения, всякий раз находя в себе силы подняться после очередного удара судьбы и идти дальше по жизни, как бы исполняя не свою волю, а волю Пославшего его в этот мир.

"Божественная душа человека прикована злом к земному миру, к грешному телу, вследствие этого она очарована, – писал М.Л. Ресслер, интерпретируя повесть Лескова, – она может быть спасена, если только найдет дорогу на свою небесную родину. Однако этот путь идет через все земные страдания. Расколдовывание (разочарование) – это душевное очищение человека" [8, с. 5].

Таким образом, само название повести заключает в себе определенный зашифрованный смысл. Иван Северьянович – странник. Перед его взором открываются зовущие вдаль необозримые русские просторы, и он, подобно бродячим проповедникам, каликам переходим, отправляется в странствие по жизни, как бы стремясь освоить необъятные русские пространства, обрести Царство Божие и понять смысл человеческой жизни на грешной земле.

Влияние на Лескова традиций древней русской культуры сказывается и в его обращении к широко известному в русской литературе топосу “бесовства”. Подобно житийному праведнику, герой испытывает неоднократно искушения “бесом”, его посещают видения. На появление нечистой силы недвусмысленно намекается в сцене встречи Ивана Северьяновича в трактире с “каким-то проходимцем”, которого он сам называет “чертом”, “мелким бесом”. Не без его участия совершается и убийство цыганки Груши. Появившись, он не отстает от “странника”, пытается искушать его даже в монастыре. Флягин борется с ним и побеждает. Убийца и грешник, он искупает свою вину, просветляется и получает способность пророчествовать, ощущая в себе “наитие нового духа”.

В духе традиционного жития в “Очарованном страннике” сообщается, что Иван Северьянович был у родителей “молитвенным сыном”, то есть сыном “выпрошенным” у Бога и обещанным монастырю. Это обстоятельство определяет и те сюжетные перипетии, которые приводят его в святую обитель. Этот сюжетный мотив позволяет соотнести “Очарованного странника” с другим древнерусским литературным памятником XVII в. – “Повестью о том, как Горе-Злочастие привело молодца во иноческий чин”.

Говоря о древнерусских житийных традициях в повести Лескова, важно отметить, что ее герой более ассоциируется с подвижником так называемого “кризисного” жития, который встал на путь “спасения” после бурно проведенной молодости и даже совершенных преступлений (например, Житие Ефрема Сирина).

Любимые герои Лескова, как правило, обычные, простые люди, совершающие героические поступки, следуя голосу сердца и своим нравственным представлениям. Герой рассказа “Несмертельный Голован” менее всего думает о спасении своей души. Приходя на помощь ближнему, он руководствуется лишь нравственным чувством любви к людям. Творя добро и справедливость, он стремится активизировать и нравственные силы окружающих его людей.

Безусловно, Голован не житийный герой. Но в своей жизненной практике он руководствуется евангельскими заповедями, следуя примеру святых подвижников.

Лесков хорошо понимал, что житийный образец мог дать универсальные решения в выборе жизненного пути. На этот образец ориентируются все “праведники” его произведений. Ему следуют не только Голован, но и суровый Александр Рыжов, прозванный Однодумом, и солдат Постников, нарушающий служебный долг во имя долга человеческого, и многие другие.

Говоря о значении памятников древней житийной литературы для нашей современности, Е.Н. Куприянова справедливо заметила: “Идеальные персонажи Печерского патерика, за многими исключениями, не мученики, а радители, и не столько за веру, сколько за “правду” в ее древнерусском и, конечно, опять же религиозном понимании. Наряду с примерами чисто монашеских добродетелей, они являяют собой также и примеры добродетелей человеческих: сострадания, справедливости, трудолюбия, бескорыстия, нравственной стойкости в своем противодействии праву сильного и богатого” [9, с. 62-63]. Эти слова можно отнести и к “праведникам” Лескова, образы которых создавались с ориентацией на житийную литературу.

Той же цели – дать примеры нравственного поведения – служат и “проложные” повести Лескова, такие, как “Гора”, “Лев старца Герасима”, “Прекрасная Аза”, “Сказание о Федоре христианине и о друге его Абраме жидовине”.

Прологи, или сборники материалов по христианскому вероучению, предназначенные для “практического” пользования, в Древней Руси были очень популярны. Не являясь каноническими, эти сборники, включая в себя повести, ска-

зання, легенды, апокрифы, краткие описания житий святых, в которых обычно передается какой-нибудь один эпизод из жизни подвижника, начиная с XVII ст., оказывали серьезное воздействие на русскую художественную литературу.

Впервые познакомившись с «древнепечатным Прологом», Лесков в примечании к своей статье «Легендарные характеры» пишет: «Интерес, им представляемый, есть собственно интерес литературный и исторический» [10, т. 30, с. 126]. Из Пролога Лесков считал возможным брать в качестве основы сюжета для своих повестей анекдоты, апокрифы, сказания, притчи, житийные рассказы о канонизированных святых, которые он переосмыслил согласно своим творческим замыслам. Обычно бралась основа сюжета, который под пером писателя порой несколько изменялся, вводились новые персонажи и дополнительные сюжетные линии. Так, в рассказе «Лев старца Герасима» сюжет оформляется следующим образом: Герасим не монах, живущий в монастыре, как в Прологе, а отшельник, ютящийся в пещере одной из пустынь. Его жилище находится далеко от источника, куда он приходит утолять жажду. По-другому, чем в Прологе, передается и история со львом и осленком, похищенным проходящим мимо караваном. В рассказе особенно подчеркивается подвиг отшельника, спасшего льва. Лев же так привязывается к нему, что в конечном счете умирает на его могиле.

Создаваемые по мотивам древних литературных памятников повести и рассказы Лескова требовали соответствующего художественного оформления, созвучного изображаемой эпохе языка.

Такие старинные памятники словесного искусства, как Четьи-Минеи, Патерик, Пролог явились для писателя богатыми источниками языковых средств художественного изображения. Оттуда он брал и многочисленные славянизмы, выпренную церковнославянскую речь и речевые обороты изображаемой эпохи. «Этот язык, – говорил Лесков, – <...> дается не легко, а очень трудно, и одна любовь к делу может побудить человека взяться за такую мозаичную работу. Но этот-то самый «своеобразный язык» и ставят мне в вину, заставляя его немножечко портить и обесцвечивать» [10, т. 30, с. 206-207].

Писатель хорошо понимал, что вторжение в художественную ткань произведения церковнославянизмов и архаической лексики, ориентация на литературные жанры Древней Руси при создании образа персонажа составляют одну из характерных особенностей его стиля, оригинальность творческой манеры.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Лесков, Андрей.** Жизнь Николая Лескова: в 2 т. Серия литературных мемуаров / Андрей Лесков. – М.: Изд-во «Художественная литература», 1984.
2. **Авсеенко, А.О.** Из литературных воспоминаний / А.О. Авсеенко // Новое время. – 1900.
3. **Лесков, Н.С.** Собр. соч.: в 11 т. / Н.С. Лесков. – М.: Гослитиздат, 1958.
4. **Лесков, Н.С.** Сентиментальное благочестие / Н.С. Лесков // Православное обозрение. – 1873. – № 3.
5. **Лесков, Н.С.** О литературе и искусстве / Н.С. Лесков. – М.: Изд-во Ленинградского университета, 1984.
6. **Флоровский, Г.** Пути русского богословия / Г. Флоровский. – Париж, 1937 (Ротапринтное издание).
7. **Горький, М.** Собр. соч.: в 30 т. / М. Горький. – М.: Тип изд-во «Художественная литература», 1953.
8. **Ressien, M.L.** Nikolai Leskov und seine Darstellung des religiösen Menschen / M.L. Ressen. – Weimar, 1939.
9. **Куприянова, Е.Н.** Национальное своеобразие русской литературы / Куприянова Е.Н., Макогоненко Г.П. – Л.: Изд-во «Наука», 1976.
10. **Лесков, Н.С.** Полн. собр. соч. / Н.С. Лесков. – Спб., тип Маркса, 1905.